

Управление образования Администрации города
Новочеркаска

Обычаи и традиции, пережившие века

Использованы материалы
документально-исторического издания
НА СКРИЖАЛЯХ ИСТОРИИ РОССИИ,
Рябчиков Л. А., редактор-составитель,
Карюк С. И., Шевцов А. А., авторы

СОДЕРЖАНИЕ

Казачий круг.....	3-4
Ведение круга.....	5-7
Ведение схода.....	8-9
Атаман и его выборы.....	10-11
Приём в казаки и «взятие под шинель»	12-13
Права и обязанности	14-15
Казак без коня сирота	16-17
Родовое гнездо	18-21
Воспитание казачат	22-25
Воспитание девочек.....	26-28
Характер казачки	29-32
Как одевались казаки.....	
Казачья медицина.....	
Казак женится.....	
Кулинарное искусство.....	
Кухонная утварь.....	
Казачьи забавы.....	
Фольклор и театр	

КАЗАЧИЙ КРУГ

(обычаи и традиции)

Традиционно у казаков Казачий круг служит обозначением любого **всенародного собрания**.

По старинным актам известны круги валовые, войсковые и полковые.

Войсковой круг являлся высшим органом казачьего самоуправления. В его работе принимали участие все казаки – воины, а таковыми они были от юношеских лет до глубокой старости, пока могли держать в руках оружие.

Права участия в Круге не имели лишь казаки, навлекшие на себя чем-либо немилость всего войска; но эти последние иногда, в трудные минуты, также призывались на Круг и своим примерным поведением могли заслужить себе прощение.

Казаки были народ прямолинейный и рыцарски гордый, лишние слов не любили и дела на Кругу решали скоро и справедливо.

Сохранились древние казачьи поговорки:

«Кто развязал язык, тот вложил саблю в ножны»;

«От лишних слов слабеют руки».

Обсуждая свои дела, казаки становились в круг, в центре которого находились избранные атаман и войсковые есаулы, другие должностные лица. В передних рядах стояли старики.

На Войсковом кругу решались дела, **только касающиеся всего войска**, как-то:

выборы войскового атамана, есаулов, войскового писаря или дьяка, духовенства войскового собора,

приём в казаки иноверцев и беглых крестьян,

объявлялись походы,

делили добычу,

принимали царских послов и царское жалование,

рассматривали дела по преступлениям против всего войска, против веры и т. д.

Высшим наказанием, например, за измену, предательство **была смертная казнь** («в куль да в воду»).

За другие преступления сажали в воду, били, забивали в колодки, пороли.

В станичных кругах решались все тяжбные дела между казаками, как-то: личные оскорбления, несоблюдение постов и т.д.

Дела по обидам в станицах большей частью решались миром. Старики заставляли обидчика идти к обиженному казаку и просить у него прощение. Если же тот отказывался, то нередко сам атаман со

стариками шли к нему, кланялись в ноги и склоняли на мир, прося не срамиться и не ездить на суд Войскового круга.

Клязники не пользовались уважением среди казачества. Войсковой круг всегда собирался на **открытой площади – майдане**; все его участники стояли на ногах, сняв шапки, в знак почтения к месту и важности дела.

Войсковой атаман под бунчуками, сопровождаемый есаулами, держа в руке «несеку» (трость) с серебряным «набалдашником», а во время важных военных случаев «пернач», выходил на середину Круга, снимал свою «трёхменку» (серая шапка из туркменского курпяка с красным шлыком) и кланялся на все стороны.

В это время есаул «зычно», подняв свою трость, обыкновенно кричал: «Па-ай-молчи, атаманы молодцы, атаман (или «наш войсковой») трёхменку гнёт!»

Всё стихало.

Атаман делал доклад Кругу.

Если вопрос касался избрания нового атамана по окончании годовичного срока, то атаман клал на землю «трёхменку», а на нее насеку, кланялся Кругу и благодарил за избрание атаманом.

Каждый казак на Кругу имел свободный, равный со всеми голос.

Войсковые круги иногда были шумными и буйными, нередко дело на них доходило до сабель.

Отходивший срок атаман становился в ряды казаков и никакими преимуществами не пользовался. Войсковой писарь или дьяк избирались из среды самых грамотных и умнейших казаков, а потому эта должность считалась почётной.

Кроме него никто не имел права писать и посылать бумаги от имени Войска. Власти войсковой писарь никакой не имел.

Войсковой атаман, являясь простым исполнителем народной воли и блюстителем порядка, по собственному усмотрению ничего предпринять не мог, иначе он рисковал с позором лишиться своего достоинства, а иногда и жизни. Не менее важен вопрос об участниках Круга.

Из него исключались жившие в этих местах неказаки. Не было представлено духовенство. Как видим, весьма значительная часть местного населения была отстранена от выборов, а значит, от формирования органов власти.

Следует отметить практическое отсутствие процедуры голосования на Круге. Тот или иной спорный вопрос решался криками, а иногда и кулаками.

Карюк С. И., Шевцов А. А.

Обычаи и традиции, пережившие века.

Под ред. Рябчикова Л. А., – Симферополь, 2019.

ВЕДЕНИЕ КРУГА

(обычай и традиции)

На Круг собираются полноправные члены казачьего объединения (станции, землячества, войска, союза казаков) в числе, установленном Уставом этого объединения (как правило, не менее 2/3 списочного состава).

Казачки допускаются в зависимости от того, обладают они правом голоса в соответствии с уставом общины или нет.

Казачья традиция правом голоса женщин не наделяет, но разрешает им присутствие на Кругах по специальным приглашениям.

На Кругах **обязаны быть малолетки**, которым разрешается присутствовать вместе со старшим совершеннолетним братом, отцом, крёстным отцом или наставником казачат, не достигших возраста малолеток.

Возраст полноправного казака, малолетка или казачонка, дающий ему возможность быть на Кругу в том или ином качестве, тоже определяется уставом.

Как правило, на Круги **казаки наряжаются в национальную одежду** со всеми атрибутами и деталями, которые приняты в той области, откуда они ведут свою родословную.

Военнослужащие могут, по своему желанию, быть в мундирах армии и флота либо в традиционной одежде казаков.

Круг может собираться в любом помещении или на площади, в поле или в иных местах.

Однако форма круга соблюдается всегда.

В помещении (клуб, кинозал и т. д.) на сцене устанавливается стол, за которым сидит атаман, писарь и члены атаманского правления. Справа от стола, под углом к нему, место священника и аналой с крестом и Евангелием. Слева от атамана, под углом, напротив аналая, скамья стариков. Таким образом, форма круга сохраняется.

Проводимый под открытым небом Круг ещё более традиционен: **казаки стоят кругом, в центре которого – знамёна**, аналой и прочие реликвии, на приготовленных скамьях в центре круга сидят старики и священник, тут же стоит атаман и вся войсковая старшина.

Ведет Круг дежурный есаулец.

Это должность, на которую назначается или предлагается казак, лучше других знающий обычай и умеющий наводить порядок и тишину.

Символом власти есаульца является **нагайка** в правой руке, которую он, в случае необходимости, может применить. Ему подчиняются приставы, выбранные казаками (тоже с нагайками), находящиеся среди казаков Круга, которые обязаны наблюдать за порядком, очередностью выступающих, устанавливать тишину, а при голосовании вести подсчёт голосов.

Число приставов предлагается дежурным есаульцем и утверждается Кругом.

Приставы не допускают на Круг посторонних.

Круг начинается возгласом дежурного есаульца: – Именем Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. После чего есаулец напоминает казакам об обычаях, о порядке проведения Круга и о своих полномочиях. – Приставы докладывают, **сколько и кто именно присутствует** на Кругу. Если имеется кворум, есаулец объявляет: – Господа старики, покорнейше прошу занять почётные места.

Состав совета стариков, их число определяется каждой общиной в соответствии со своим уставом. Совет стариков является **независимой частью Круга** и обладает полным или частичным правом «вета» на решения Круга. Совет стариков сохраняется как самостоятельная часть общины, сам устанавливает свою внутреннюю организацию и распределяет обязанности между членами совета, но вне Круга обязан подчиняться всем распоряжениям Атамана и атаманского правления наравне со всеми казаками.

Следом за стариками по приглашению занимает своё место священник. Он **обладает правом остановить Круг**, напомнить атаману или любому выступающему о христианских нормах морали.

Если священник встал – **все обязаны замолчать!**

Если священник встал, а тишина не установилась, и он вышел за Круг, то все решения, принятые в его отсутствие, как и в отсутствие совета стариков, **считаются недействительными**.

Круг может продолжить спор, но считается остановленным. После установления порядка есаулец, сняв шапку, приглашает священника обратно словами: – Батюшка (или отец имярек...), простите казаков!

Вернувшегося священника встречают стоя и без шапок. Священник вправе усовестить казаков, напомнить им о христовых заповедях. Однако правом голоса в Кругу священник не наделяется, не голосует за конкретные решения и не вмешивается в их обсуждение. Священник может обратиться с просьбой к Кругу через атамана или совет стариков, которые предоставляют ему слово в общем порядке.

Последними по приглашению есаульца занимают места члены атаманского правления или, если атаман не выбран, члены организационного комитета.

Теперь есаулец командует: – **Привет атаману**.

Казаки встают и приветствуют атамана, не снимая головных уборов.

Остается сидеть только священник, с которым вошедший атаман здоровается первым (если они не виделись прежде) и может подойти под благословение. Атаман выслушивает доклад есаульца о числе участников Круга и решает, правомочен Круг или нет. Получив ответы, приказывает внести знамя. Есаулец командует: – Встать! На знамя

равняйся. **Знамя внести!** Казаки, старики правления и священник **стоя приветствуют знамя.** Следующая команда есаульца: – Шапки долой! На молитву. Священник читает молитву. После молитвы участники Круга могут **пропеть гимн своего края** или иной, принятый их объединением.

После команды: «Кройсь. Садись» Круг начинает работу.

Дежурный есаулец следит за порядком выступлений, подает на стол правления записки, следит за тем, чтобы писарь вёл протокол.

По просьбе Круга есаулец может потребовать прочитать протокольную запись вслух.

При принятии решений атаман, ведущий Круг, обязан в каждом отдельном случае перед голосованием уточнить, за что будут голосовать, **правильно ли поставлен вопрос:** – Так ли, господа старики? Так ли, честное казачество?

После голосования уточняется формулировка: «Так ли запишем?». В случае утвердительного ответа решение имеет силу закона и выполняется беспрекословно.

До следующего Круга решение не только не может быть отменено, но не может обсуждаться на сходах и иных собраниях казаков.

По окончании работы Круга писарь, ведший протокол, по приказу есаульца или атамана читает его. Есаулец спрашивает: – Так ли записано, господа старики? Так ли, честная станица? **Под протоколом расписываются атаман, писарь и дежурный есаулец.** Казаки произносят вслух: «Аминь», и далее о вопросах, обсуждаемых на Кругу, уже не может быть публичных разговоров.

До выноса знамени никто не покидает собрания.

После того, как унесены реликвии, есаулец командует: «Разойдись!» и убирает нагайку. Всякий, выступивший на Кругу, выходя в середину или на сцену, снимает шапку, отвешивает поклон аналою и сидящему рядом священнику, старикам, атаману и всему собранию.

Закончив выступление, надевает шапку.

Если шапка не надета, это значит, что выступающий считает, что не всё сказал.

Но есаулец может прервать его выступление (в случае нарушения регламента или выступления не по существу вопроса) словами: «Кройсь...» и проводить выступающего из Круга.

В случае сопротивления **может применить силу**, призвать приставов. Вносящий сумятицу и раздор в порядок Круга может быть наказан. Если Круг проходит под открытым небом, его участники стоят.

Если атаман предлагает казакам сесть, то это означает, что обсуждение будет долгим и обсуждаемый вопрос серьёзен.

Карюк С. И., Шевцов А. А.
Обычай и традиции, пережившие века.

ВЕДЕНИЕ СХОДА

(обычай и традиции)

Одной из форм казачьей общественной жизни был сход.

При большом сходстве с Кругом он имел значительные принципиальные отличия.

Сбор на сход осуществлялся тем же порядком, что и на Круг, но на него, как правило, приглашались все жители станицы, **в том числе как иногородние, так и женщины.**

Принципиальным отличием схода от Круга было то, что на нём не проводилось голосование, не решались основополагающие вопросы и не ставились проблемы, влияющие на жизнь общины.

Если Круг был организацией, вырабатывающий политическую долгосрочную программу, выполнял функции законодательного собрания, то сход был общественной исполнительной организацией.

Соответственно порядок ведения схода был иной.

По характеру и задачам большое многообразие сходов можно свести к двум разновидностям: очередной, на котором зачитывались приказы и предложения атамана, например, оглашению приказа атамана о борьбе с эпидемиями или о посылке сменных казаков на службу.

В этом случае **сход проводился дежурным есаульцем** при атаманском правлении и под председательством атамана или его заместителя. На сходе **отсутствовали Совет стариков и священник**. Зачитанные писарем приказы и данные атаманом разъяснения не обсуждались, а принимались к сведению и неукоснительному исполнению.

Особым сходом (особливым) были собрания, на которых разбирались тяжбы (не входившие в компетенцию мирового судьи или, по мнению казаков, такие, которые при государственном разбирательстве были бы решены неправильно и бросили бы тень на казачество).

Как правило, это были проступки и тяжбы **не уголовного характера**, но которые атаман не считал себя в праве разбирать единолично.

В этом случае, по мнению стариков и общественному мнению, само публичное разбирательство, как и наказание, должно было укрепить нравственность казачьего общества, напомнить им о святых казачьих устоях.

На судебный сход знамя не выносятся, хотя совет стариков и священник принимают участие в нём. После молитвы писарь оглашал жалобу, затем есаулец вызывал либо истца и ответчика, либо жалобщика.

После выслушивания обеих сторон и заключения атамана (например, атаман сообщал, что в некоей семье снохе – жалмерке живется худо: тиранит свекровь, пристаёт свёкор и т. д., или сын «избаловался», отца не слушает, равно, как не слушает стариков, атамана, не ходит к исповеди) атаман произносил: – Я оставляю это дело на ваш суд, господа честное казачество.

После этих слов **атаман снимал шапку и уходил со** схода как сторона оскорблённая (в этом случае наказание провинившегося утраивалось) или переходил в ряды казаков.

Разбирательством, а чаще всего обвинением, провинившегося начинали заниматься старики, судя его «по обычаю». Для этого по жребию избирался суд из числа всех казаков по системе: один казак из десяти. Приговор судьей мог быть смягчён по просьбе стариков или по просьбе священника, но никогда не отменялся и **приводился в исполнение немедленно**.

В момент оглашения приговора провинившийся, скажем, «грубый сын», стоял с непокрытой головой, без ремня, и два пристава, назначенные есаульцем, крепко держали его за руки.

Самым страшным наказанием было не физическое.

Выпоротый на сходе казак отчасти даже гордился этим, хотя, скажем, если был порот за слабость по женской части или за приверженность к питью, то не мог более рассчитывать ни на хорошую невесту, ни на приглашение в трудовую артель или артельную охоту, ловлю.

Но самым страшным было признание того, что суд видит преступление таким тяжким, что не может найти виновнику наказание.

В этом случае старейшина подходил к провинившемуся, плевал ему под ноги (что означало: преступник оскверняет землю, по которой ходит) и надевал ему на шею ремень. – Ты (Николка, Ерошка и т.п. независимо от возраста) нашу честь замарал, **казнить мы тебя гребуем, брезгуем, поди от нас...** Как ты предатель и осквернитель казачества.

С этой минуты преступник становился персоной нон грата и далее, даже при его убийстве, расследование казаками не проводилось.

Он должен был немедленно покинуть хутор или станицу, а у казаков-староверов его отпевали заживо и больше никогда не упоминали его имени.

В момент приведения в исполнение приговора о телесных наказаниях женщины и дети, а часто и все иногородние, со схода выпроваживались.

После судебного схода все его участники держали трёхдневный покаянный пост, ежедневно усиленно молились и только после бани шли в церковь, к исповеди, каясь в нарушение заповеди **«Не судите, да не судимы будете»**.

Карюк С. И., Шевцов А. А.
Обычай и традиции, пережившие века.

ВЫБОРЫ АТАМАНА

(обычай и традиции)

Атамана избирали на Кругу.

Казаки выходят на Круг и рекомендуют кандидатов на атаманский пост. Всякий названный, как только произнесено его имя, обязан встать, снять шапку и занять место на скамье рядом со священником.

В продолжение всех выборов он сидит без головного убора. Сам *себя рекомендовать казак не имеет права*. После выдвижения всех кандидатов им поочередно предоставляется слово для изложения своей программы или самоотвода.

При любом количестве кандидатов голосование и подсчёт голосов проводятся по каждому кандидату, даже если за него голосует один выдвигавший.

Всякий, за кого голосуют в данный момент, должен выйти на середину Круга и поклониться на четыре стороны: кресту и священнику, старикам, оргкомитету и станице.

Есаулец, стоя слева от него, кладёт правую руку на его плечо и спрашивает станицу: – *Господа честное казачество, люб ли вам атаман (имя...)?*

В старину голосование проводилось поднятыми обнаженными клинками, и поэтому было очень легко сосчитать голоса всех полноправных членов общины (казак, не обладавший всей полнотой прав, шашки не имел).

Обезоруженные казаки вынуждены были голосовать поднятием рук.

Приставы считают голоса.

Набравший большее число голосов считается избранным (даже если получил преимущество в один голос).

Если все кандидаты получили одинаковое количество голосов, Круг прерывает на несколько дней свою работу, и затем проводится снова по всему ритуалу от чтения молитвы. После объявления есаульца: «Большее число голосов отдано (имя...)», два пристава ведут будущего атамана к Присяге.

Название ритуала «*Приведение к Присяге*» неслучайно. Будущего атамана действительно ведут, держа за руки, два пристава, причём, по казачьей традиции, нельзя касаться голой рукой голой руки или щеки атамана – считалось, что так атаман теряет силу, обретаемую им в момент принятия Присяги. Поэтому пристав слева правой рукой держит атамана за левый рукав, выше локтя, левая рука атамана лежит на укрытом обшлагом мундира запястье левой руки пристава.

Такое положение, в котором ведут атамана к Присяге, именовалось в старину «*растяжка*».

Атаман действительно «растянут» между приставами, издали его фигура напоминает крест. В связи с этим атаман должен стоять ровно: пятки вместе, носки врозь, опершись на обе ноги.

Приставы снимают с атамана мундир, расстегивают или разрывают рубаху так, чтобы был виден нательный крест.

Есаулец может взять крест рукою и показать казакам с объявлением: – Православный!

Казаки отвечают криком «Любо!», и все, если сидели, встают.

В установившейся тишине, стоя лицом к станице, атаман произносит: На Христовом Животворящем кресте, На Священном писании присягаю: Служить верно, не щадя головы (жизни) И живота (имущества) своего. Беречь казачью Честь, преумножать достояние станицы. Беречь казаков! Я – ваш отец, вы – мои дети!

После чего отвешивает поклон станице, затем, ведомый приставами, подходит к старикам, кланяется в пояс. Старики и станичники кланяются в ответ на поклоны атамана.

Затем приставы подводят атамана к священнику.

Атаман целует крест и лежащее на аналое Евангелие.

Затем атаман выходит, ведомый приставами, на середину Круга. На него надевают ***атаманский кафтан***, перепоясывают ***саблей через правое плечо***. Перепоясывают ***полотенцем через левое плечо***.

Это символы военной и хозяйственной деятельности атамана. Перекрещенные перевязи означают защиту правления атамана Христом. Дежурный есаулец торжественно надевает на голову атамана, держащего в правой руке булаву, в левой насеку, шапку и командует: – ***Перед атаманом – шапки долой!***

Все, кроме атамана, стоящего рангом выше, снимают шапки.

Этот момент считается присягой Круга на полное и беспрекословное подчинение атаману. По закону все присутствующие на Кругу должны после этого подойти к крестному целованию и к целованию Евангелия. Как правило, после крестного целования участники Круга уходят на перерыв.

После перерыва атаман предлагает состав правления.

Круг заканчивается обычным порядком: головные уборы снимаются только на молитву, а казаки нестроевых возрастов – при выносе знамени.

Карюк С. И., Шевцов А. А.

Обычаи и традиции, пережившие века.

Под ред. Рябчикова Л. А., – Симферополь, 2019.

ПРИЁМ В КАЗАКИ И «ВЗЯТИЕ ПОД ШИНЕЛЬ»

(обычай и традиции)

Приём в казаки является юридическим Круговым актом, наделяющим принимаемого полностью или частично правами и обязанностями казака.

Однако при этом делалось различие между принятым в казачество и казаком по рождению.

Так можно было «служить в казаках», «жить в казаках», но полноправными казаками, которых никто не мог упрекнуть в том, что «они де у нас деланы», «приписные», «в казаки повёрстанные», **могли стать только внуки или правнуки принятого.**

Да и то только в том случае, если они жили среди казаков, несли казачью службу и женились на казачках.

Сами они считались «**повёрстанными в казаки**» и всегда указывали в документах этническую конфессиональную группу, например: «Великоросс, из Елецких мещан, повёрстан в казаки и принят в казачество после 25-летней военной службы, ему же выделен пай в размере...».

Тоже относилось и к женщине – неказачке.

Хотя она обладала, будучи женой казака, всеми юридическими правами, но в среде казачек до конца своих дней казачкой не считалась, поэтому к ней относились более терпимо, прощая то, что коренной казачке было бы поставлено в вину. Прощали за то, что она не знает обычаев своего народа и за бескультурье.

Иногородняя женщина могла стать казачкой только через замужество. Рождённые в браке с иногородними, т.е. дети от смешанных браков (болдыри), проходили обряд принятия в казаки в 3–5–7-летнем возрасте.

На сходе (на Кругу) старики экзаменовали принимаемого в знании молитв и обычаев, затем принимаемый, стоя на одном колене, целовал обнажённый наполовину клинок шашки, Евангелие и Крест, после чего ему дарилась фуражка, и он считался казаком «по корню», то есть по рождению.

До срока совершеннолетия могли быть на- 29 делены правами «малолетки». Например, в землячестве или станице **принят традиционный для казаков возраст полноправия – 21 год.**

Казаку, отслужившему в армии и вернувшемуся домой с наградой в двадцать лет, атаман вправе на Кругу попросить у казаков разрешения объявить его полноправным казаком за заслуги перед казачеством.

Весьма важным актом было **«взятие под шинель»** (или наделение правами главы семьи старшего или несовершеннолетнего сына). В случае утраты кормильца вдова через совет стариков может обратиться к Кругу с просьбой объявить её старшего сына главою семьи.

С этой же просьбой может выступить атаман. Если Круг просьбу удовлетворяет, казачонок, **не моложе 10 лет, встаёт на стул**, на его плечи набрасывается шинель (у кубанцев бурка), полами шинели или бурки он накрывает мать, младших братьев и сестёр.

Атаман, касаясь его плеча перначом, объявляет: – Я атаман (имярек...) объявляю тебя главою семьи, с этой минуты семья на руках твоих, и домашние обязаны слушать совета твоего.

Старики и казаки могут высказать свои пожелания семье или крёстным детей (казакам), которые стоят тут же за спиной объявляемого главой семьи, а **затем казаки подносят ему подарки**.

Обычно атаман дарит шапку, старики – сапоги, священник – Евангелие. После этого атаман объявляет:

а. К объявленному главой семьи на Кругах все казаки должны обращаться по имени и отчеству.

б. В отличие от казачьего сироты, получающего полпая, глава семьи получает полный пай и полную часть при любом разделе.

в. Ему не могут отказать в приёме на артельную работу, и артельщики обязаны платить полную плату.

г. В старину он освобождался от телесных наказаний, в случае нарушения им казачьего обычая вся ответственность за него падала на всех мужчин – крёстных отцов, его братьев, а также сестёр.

д. За матерью сохранялись полпая вдовы.

Если она выходила замуж и её полпая уходили в приданное, пай сына, главы семьи, оставался неприкосновенным и принадлежал лично ему.

Если атаман считал, что отчим несправедлив к пасынку, он мог своей волей отобрать пай, сдать в аренду, а деньги, полученные от аренды, истратить впоследствии на снаряжение казака на службу.

Атаман **обязан знать, сколько в его общине сирот**, издавна они именовались «атаманскими детьми», о них заботились всей общиной. **Старики следили**, чтобы сирот не обижали, крёстные следили за их нравственностью и физическим здоровьем.

Особо одарённые «атаманские дети» отправлялись за казенный счёт учиться.

Карюк С. И., Шевцов А. А.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

(обычаи и традиции)

Правом на вступление в казачье общество (Круг, объединение, землячество) имеет **любой православный, казак по отцу или по матери**, а главное, осознавший себя казаком и живущий по принципам казачества, готовый служить всей душой и всеми помыслами своему народу.

Правом присутствия на Кругах и сходах, правом быть избранным на любую должность, традиционно **обладают мужчины** – православные, казаки.

Несовершеннолетний казак имеет право посещать Круги и сходы вместе с отцом, совершеннолетним старшим братом или родственником, крёстным отцом или наставником, свободно избранным им самим или его матерью с 10-летнего возраста (в виде исключения с 8-летнего возраста).

Здесь и далее возраст устанавливается на Кругу.

Казак обязан принимать участие во всех делах своего общества с 16 лет. По решению Круга, за заслуги перед казачеством может получить право голоса до совершеннолетия, которое наступает в 21 год и влечет за собой полноправное членство.

По обычаю казаков женщина пользуется таким уважением и почитанием, что в предоставлении ей обязанностей и прав мужчин не нуждается.

Разговаривая на Кругу или сходе, казак обязан стоять при разговоре **с женщиной преклонных лет сняв шапку**. Казак не имеет права вмешиваться в женские дела. Казак обязан оберегать женщину всеми силами и средствами, защищать её, отстаивать её честь и достоинство – этим он обеспечивает будущее своего народа.

Казачки **могут создавать любые объединения внутри общества**, не противоречащие правилам православия и уставу общества, в которые казак, **старик или атаман не имеют права** вмешиваться без просьбы женщин.

По просьбе атамана или атаманского правления, казачка может принимать участие во всех делах своего общества, где пользуется всеми правами. **Интересы казачки на Кругу представляет её отец, крёстный, муж, брат или сын.**

Одинокая казачка, девушка или вдова **пользуется личной защитой атамана, атаманского правления или совета стариков.** Казачка имеет право обращаться непосредственно к атаману с просьбами, жалобами или предложениями или выходить на Круг по представлению совета стариков.

Казачки могут находиться на Кругу **в качестве почётных гостей по** специальным приглашениям. За казачку поручается уважаемая женщина из казачьего объединения.

Вступивший в казачье общество обязан соблюдать казачьи обычаи и традиции, придерживаться принципов казачьей нравственности: почитать каждого старика, называя отцом своим, престарелую казачку – матерью, каждую казачку – сестрой своей, чьи честь и достоинство следует нести выше собственной головы, каждого казака – братом, каждого ребенка любить и оберегать, как собственного.

Равно, как и пожилые люди должны относиться к тем, кто моложе, как к детям своим.

Оскорбление одного казака есть оскорбление всех. Всякий член казачьего общества должен помнить, что прежде всего он казак, равно как и его сотоварищ по объединению. Вера в Бога есть дар. **Личное дело каждого, верит он в Бога или нет.** Никто не вправе упрекать казака в безверии, равно как и в религиозности. За нарушение этого правила, за оскорбление отеческого обычая должно следовать строгое наказание, **вплоть до исключения из общества.**

Казак обязан иметь и по приказу атамана надевать в праздничные, храмовые дни и иные праздники, отмечаемые его обществом, **национальную одежду со всей её атрибутикой и деталями,** такую, которая была принята в той области, откуда он ведёт свою родословную.

Казаки были обязаны **иметь собственную амуницию:** конный – добрую лошадь, копьё, самопал или мушкет, саблю, два пистоля, из которых один за поясом, второй – в кобуре седла.

Пешим полагались кинжалы и огнестрельное оружие.

Карюк С. И., Шевцов А. А.
Обычаи и традиции, пережившие века.
Под ред. Рябчикова Л. А., – Симферополь, 2019.

КАЗАК БЕЗ КОНЯ СИРОТА

(обычай и традиции)

Полноценная служба в казачьих войсках была **немыслима без коня** и соответствующей амуниции.

Конское снаряжение состояло из подперсыя, нагрудника, тебеньки, стремян, суконных митюков, кожаных крышек, потников с крышей, пулица, подпруг, ленчика, подушки, чепрака, пахвы с пристругами, перемётных сум, недоуздка с чембурами, узды, треноги, вьючной пряжки с ремнями, плети с темляками, сёдел увязанных, пары путлиц и торочины.

Своих коней казаки очень любили и часто **выращивали их для себя самостоятельно** от лучших кобылиц и производителей.

За такими жеребятами ухаживали как за детьми, баловали их, и, вырастая, конь платил преданностью и любовью, не давался в руки другим, а за своим хозяином мог ходить как собака.

Кони были приучены к походу и бою, в сабельной рубке такие кони кусали и лягали коней противника.

Укрытые в лесу, кустарнике, балке, они по свисту хозяина бежали к нему, по команде ложились, вставали и знали много других команд. **Конь не отходил от раненого или убитого хозяина**, а в случае его гибели долго тосковал, не подпуская чужих и не брал из их рук пищу, голодая по несколько дней.

В боях, когда наступали критические ситуации, окружённые противником в степи казаки, по команде, укладывали своих коней кругом или треугольником и из-за них отстреливались. **Такой приём носил название «сбатоваться».**

Если во время боевых действий казак лишался коня, то государство или войско **взамен давало ему другого**. Конь для казака был больше, чем лошадь, и **казаки называли их только конями**, вкладывая в это понятие свой смысл.

Кони платили им искренней привязанностью и шли с казаками в огонь и в воду. При отходе белой армии из Крыма были случаи, когда оставленные на берегу кони бросались 100 в море и плыли за кораблём, на котором уходил на чужбину их хозяин. Любовь казака к коням отображена и в поговорках: **Без коня казак кругом сирота.**

Казак голоден, а конь его сыт. Казаку конь себя дороже. Казак без коня, что солдат без ружья.

В сражениях и походах казаки тоже добывали себе коней. За хорошего коня казак **мог отдать всё, что у него было:** одежду, деньги, оружие и даже красивую ясырку (пленницу).

По своему внешнему виду и физическим качествам казачий конь отвечал требованиям легкой кавалерии. Ценились его неприхотливость, выносливость и способность преодолевать в труднодоступной местности значительные расстояния.

Лучше всего для этого подходили лошади степных пород, отличающиеся от полукровок меньшим ростом, особой посадкой головы и более длинной шерстью. Чистокровные верховые лошади для военной службы не годились.

Главным достоинством степных лошадей, использовавшихся не только в казачьих войсках, но и в кавалерийских частях регулярной армии, была их неприхотливость.

Но если в регулярной армии лошади степных пород постепенно теряли свою популярность, то для ведения «малой войны» и в разведке они были просто незаменимы. **Степной конь привык отыскивать под снегом свой нехитрый корм,** он на редкость стойко переносил голод, жажду и самые суровые климатические условия.

В степи такой конь круглые сутки оставался под открытым небом. В станицах его держали в огороженном загоне, где лишь с одного края имелся небольшой сарайчик.

На гравюрах того времени казачьего коня обычно идеализируют. Реальное представление о казачьем коне дает очень редкая фотография конца XIX века «Молодые казачки Войска Амурского».

Карюк С. И., Шевцов А. А.

Обычай и традиции, пережившие века.

Под ред. Рябчикова Л. А., – Симферополь, 2019.

РОДНОЕ ГНЕЗДО

(обычай и традиции)

Слово «станция», издавна бытовавшее на Дону во многих значениях, с конца XVIII в. употреблялось только в значении «селение».

Со временем число станиц на Дону росло, некоторые из них казаки переносили на новые, более удобные, не заливаемые водой места, многие перестраивали.

Менялся и облик станиц. Былые тесные избы и землянки сменили прочные и удобные дома.

«Мой дом – моя крепость» – казаки с полным основанием могли бы подписаться под этим изречением.

Казачье жилище совмещало в себе и место обитания, и оборонительное сооружение.

Кроме того, в нём явственно прослеживаются черты древней самобытной истории казачества.

Естественно, что вид жилища зависел от состоятельности его хозяина.

А к середине XVII в. казачество уже **не было однородным по социальному составу** – оно распалось на две неравные группы: домовитые, зажиточные казаки и голутвенные, неимущие.

Архитектор С. И. Куликов, исследуя народное жилище Дона, показал, как постепенно шло развитие жилища от землянки с глинобитными полами, состоявшей из одной теплой комнаты – избы – и холодных сеней – чулана, до многокомнатных жилых домов.

Сначала строили жилища, состоявшие из двух комнат – прихожей и горницы, разделённых между собой печью.

В северных районах такой дом получил название **«пятистенник»**, потому что, кроме четырех наружных стен, в нём была одна внутренняя, разделявшая комнаты. К такому дому примыкали сени, чулан и галдарея (закрытый балкон перед сенями).

С разделением первой комнаты на две – прихожую и стряпную – возник **трехкомнатный курень**, или круглый дом, получивший самое широкое распространение, особенно на Нижнем и Среднем Дону.

Сени использовались как кладовка. В **прихожке** стояли топчан и табурет с ведром воды, над топчаном висела жердочка для полотенца.

В комнате стряпной была печь – **грубка**, небольшая русская печь с лежанкой, вдоль стен стояли лавки, в углах – полочки для

посуды, заполненные различной кухонной утварью: медными кастрюлями, кружками, металлическими и деревянными ложками, деревянными чашками, горшками, ступками, цедилками для молока, медными и глиняными чайниками, кофейниками. В третьей комнате – **горнице**, которая, несмотря на скромную обстановку, всегда имела нарядный вид, – принимали и потчевали гостей, священника, служили молебны и панихиды.

В простенке между окнами, **стоял стол**, накрытый скатертью.

В одном углу – постав или горка с красиво расставленной посудой. У фасадной стены в одном простенке **стоял цветок**, в другом – **висело зеркало**, и стоял на полу **сундук – скрыня**, окованный железом.

В левом наружном углу стояла **кровать, покрытая байковым или сшитым из лоскутков одеялом**. На каждом конце кровати лежали по две взбитые пуховые подушки.

На окнах и над кроватью вешали **ситцевые занавески**. Летом такими же занавесками завешивали печь, дверные проёмы.

Сундук – скрыню покрывали лоскутной простышкой.

Украшением комнаты **служили рисунки, гравюры** с изображением битв, парадов, осад крепостей, позднее – семейные фотографии в деревянных резных рамках, а также портреты лиц царской семьи, казачьих атаманов.

На стенах развешивали сбрую, шашки, сабли, ружья, пистолеты, иногда старинные, переходившие к внукам и правнукам от дедов и прадедов.

На подоконниках и табуретках стояли в горшках комнатные цветы.

Особенной любовью казачек **пользовались олеандры**, кадки с которыми выставлялись на балконе.

Обстановка и утварь в казачьем доме (горка, зеркало, постав, деревянная посуда, ковши, музыкальные инструменты) **украшались резьбой**.

Из дерева делали разные жердочки для полотенца, дверные вертушки, рамки для фотографий.

Кроме трёхкомнатного куреня широкое распространение в богатых станицах получил **четырёхкомнатный курень**, в котором из горницы выделялась небольшая спальня.

В станицах, заливаемых паводковой водой, дома строили **на высоком фундаменте, в два этажа, с использованием нижнего этажа для подсобных помещений**.

В таком доме со стороны входной двери был **рундук** – **площадка** с навесом над нижней ступенькой, длинный коридор, зашитый досками (он назывался галдареей), и узкий балкончик – балясник, по которому проходили вокруг дома, чтобы открыть или закрыть ставни.

Кроме русской печи и грубки делали под кроватью у стены небольшую печурку («подземку»).

Дома на Дону чаще всего возводили **из деревянных пластин**; домов из бревен почти не было, за исключением некоторых поселений в северных округах.

Наружные стены **обмазывали глиной**, а затем белили мелом или белой глиной. Достаточно толстые стены просто затирали раствором охристых глин.

Большое внимание придавалось окраске дома. Деревянные стены окрашивали в жёлтый цвет, а ставни – в белый. Стены каркасных и саманных построек красили в белый цвет, а ставни – в жёлтый.

Часто ставни и карнизы делали синими.

Для окраски применяли естественные материалы – жёлтую и белую глину, мел, синьку.

Все эти цвета **гармонировали с многоцветным степным многоотравьем**, жёлтыми головками подсолнухов, белыми облаками на открытом широком просторе голубого донского неба.

Жилища донских казаков были весьма характерны. Свои дома они **называли куренями**.

Есть разные толкования этого слова. Одни исследователи считают, что название казачьему дому дали «курные избы», в которых первоначально жили казаки.

Другие связывают это название с тем, что первоначально казачьи Круги собирались или на майдане, или в становой избе, а поскольку **«круг» по-монгольски – курень, то и избу, где собирался** Круг, казаки тоже стали называть куренем.

Это название казаки перенесли и на свои жилища.

Кроме того, комнаты в курене были соединены по кругу, поэтому казачий курень называют круглым домом.

Планировка была крестообразной: всё пространство дома делилось поперечными перегородками на четыре комнаты, а **композиционным центром служила отапливавшая их печь**.

Никакого деления на мужскую и женскую половину не было и в помине.

При застройке пойменных земель курень ставился на высокий каменный подклет (омшанник). Он служил одновременно и крепостью, и хранилищем запасов и хозяйственной утвари, защищал дом от разрушения при длительных затоплениях.

Двор состоял из следующих построек: амбара, где хранили зерно, сарая, в котором размещался сельскохозяйственный инвентарь, базов или загонов для скота с катухом для свиней и овчарней для овец.

Хозяйственные постройки для содержания крупного рогатого скота находились за пределами станицы, в специально отведённых местах.

В земле **выкапывали погреба**, где хранили продукты. У зажиточных казаков были **свои ледники**. Они представляли собой ямы, выложенные внутри камнями – аршинниками. Ледники набивали льдом и покрывали соломой. Сверху ставили камышовые или деревянные крыши. В условиях жаркого лета важно было иметь не только летнюю кухню, но и помимо зимних сараев летние навесы и загоны для животных. Так как 8–9 месяцев в году жизнь людей протекала не в курене, а во дворе, важно было иметь надёжные (до 30 метров) санитарные разрывы. Поэтому базы, компостные ямы и туалет размещались в самом конце усадьбы.

При строительстве дома обязательно **клали серебряные монеты и жито под углы, на счастье и богатство**.

Делали казачьи курени набивными, такой дом отличался теплотой и сухостью. Набивали стены жилища **глиной, смешанной с соломой**. На набивку дома приглашали родственников и соседей. Хозяева всё должны были приготовить: замес из глины, вёдра, лопаты, носилки. Начинали работать с утра, а после того, как работа была завершена, хозяева устраивали обильное угощение.

Входя в дом, **первой пускали кошку**, и, конечно, дом обязательно освящали, приглашали батюшку.

Обычно казачий курень имел от двух до пяти комнат: столовая, зала и две спальни.

Первая от входа комната была и передней, и кухней, и столовой. Здесь семья готовила еду и ела. В комнате была и печь. В XIX в. чаще всего клали голандки (без лежанки), но в некоторых были и русские печи. В каждой станице были свои мастера по кладке печей. При сложении печи необходимо было соблюдать три принципа: печь должна быть **не угарной, но жаркой и красивой**.

Топили печи до Нового **года бурьяном, кизяками** (топливо из сухого навоза и сена), а также кугой, чаканом и камышом. Топили и дровами.

С Рождества **начинали топить углем**.

Карюк С. И., Шевцов А. А.

Обычай и традиции, пережившие века.

Под ред. Рябчикова Л. А., – Симферополь, 2019.

ВОСПИТАНИЕ КАЗАЧАТ

(обычай и традиции)

Вся жизнь казака была связана с военными действиями, и готовность к войне пронизывала всю его жизнь, поэтому приобщение к ратному делу начиналось со дня рождения мальчика.

Как только в семье казака рождался мальчик, **ему «на зубок» клали стрелу (потом пулю к ружью)**, а ручонке давали потрогать лук и ружьё.

На седьмой день младенца крестили, давая ему имя строго по святцам. В сорокадневном возрасте **к нему «прицепляли» сбоку шашку**, и отец возвращал его матери со словами: **«Вот тебе казак»**.

В трех-четырёхгодовалом возрасте проводилось посвящение мальчика в казаки.

Трехлетние казачата могли уже самостоятельно ездить верхом на коне по двору, а пятилетние всю скакали по улице.

Мальчика стригли первый раз, когда ему исполнялся год. Этот обряд описан в древнерусских летописях как великокняжеский, и неизвестно, пришёл ли он на Русь из степи или в степь от Руси.

А может, он был общим для всех дружинников – и степняков, и славян, и варягов.

Но у казаков он сохранился до наших дней.

Годовалого казачонка дома усаживали на кошму, и **крёстная срезала его первые прядки волос**, которые потом на протяжении всей жизни сохранялись за именной иконкой. Подстриженного мальчонку женщины передавали мужчинам, и те несли его к церкви. Там его ждал неоседланный конь.

Казачонка **сажали верхом на коня на растеленный** шёлковый платок (в который потом заворачивали первые волосы) и гадали, как он будет себя вести, по малейшим приметам старались угадать судьбу будущего воина.

Схватится за гриву – будет жив. Заплачет, повалится с коня – быть убитому. Коня обводили вокруг церкви. Потом отец брал сына на руки, а крёстный надевал португеею так, чтобы издали казалось: идёт по улице казак при шашке.

У ворот родного куреня казаков встречали женщины.

«Казака принимайте! Да за ним доглядайте! Чтоб был не квёлый, до всякой работы скорый, чтоб Богу молился да сабле учился! Чтоб малых не забижал, старших уважал, а к родителям был почтительней...»

Крёстная снимала с отца и сына шашку со словами: «Возьми, крёстный, шашку, нашему казаку ещё расти нужно. Сохраняй её до срока».

Крёстный принимал оружие, хранил его и вручал крестнику в семнадцать лет, после того, как малолетку приписывали к полку.

Он же, крёстный, обучал крестника всем церковным обычаям, но в большей степени всем видам воинского искусства.

Считалось, что отец мог быть излишне строг или чрезмерно мягок – поскольку это его плоть и кровь, а крёстный – духовный отец – будет и строг, и справедлив. **«Когда у малыша прорезывались один-два зубика**, на это приходили посмотреть многие казаки и... восторгались (!), после чего пировали, отмечая событие.

Детей женатого казака баловала и нянчила вся станица». Обучение начиналось после праздника первых штанов. Штаны, как правило, дарил старший член рода. Это должны были быть обязательно шаровары. **Шаровары** – это изобретение скифов, так как обучение верховой езде без них было невозможно.

Мальчика все поздравляли **с первыми штанами**, и казачонок ими очень гордился. Этот праздник наступал в зависимости от общего развития мальчика, но, как правило, лет с трех-пяти казачонка уже **приучали к верховой езде**. Обучение было тяжёлым и постоянным.

Стрелять учили с семи лет, рубить шашкой – с десяти. Сначала пускали тонкой струйкой воду и «ставили руку», чтобы клинок шёл под правильным углом и резал воду, не оставляя брызг.

Потом **учили «рубить лозу»**, сидя на коновязи – на бревне, и только потом, по-боевому, по-строевому на осёдланном коне. Рукопашному бою учили с трёх лет, передавая особые, в каждом роду хранившиеся приёмы.

Мальчика воспитывали гораздо строже, чем девочку, и жизнь его с очень раннего возраста была заполнена трудом и обучением.

С пяти лет мальчишки работали с родителями в поле: погоняли волов на пахоте, пасли овец и другой скот. Но обязательно оставалось время и для игры.

И крёстный, и атаман, и старики следили, чтобы мальчонку «не заездили», чтобы позволяли ему играть.

Но сами игры были такими, что в них казак обучался **либо работе, либо воинскому искусству**.

Одной из самых любимых была древнейшая игра пастухов – дзига, или кубарь, в которую играли с утра до вечера.

Специально изготовленную игрушку, похожую и на шпуюлку от ниток, и на волчок, подхлестывали кнутами. Условия были самыми разными: стараясь не уронить, гоняли дзигу по маршруту, гоняли наперегонки...

«В семь-девять лет казачата **играли в войну за околицей**, разделившись на две равные группы, устраивая воображаемые сражения. С игрушечными знамёнами, сшитыми из рогожи, казачата сходились в рукопашной и рубились деревянными саблями, кололись камышовыми пиками, не жалея себя, отбивали знамёна у противника и захватывали пленных.

Под музыку дудок и трещоток победители строем возвращались в городок (станцию). Позади них, опустив голову от стыда и размазывая слёзы, «шли пленные».

В семь лет мальчонку стригли ритуально во второй раз. Бритоголовым он шёл в первый раз с мужчинами в баню, а затем к первой исповеди.

Дома, после праздничного обеда, за которым он в последний раз ел детские сласти, под украдкой роняемые матерью, сёстрами и бабушкой слёзы он собирал постель и переходил из детской в комнату

братьев. Старшие братья придирчиво осматривали его одежонку и немилостиво выбрасывали всё, что считали излишне тёплым или мягким. «Всё, – говорили они. – Учись служить! Чай, теперь ты не дитё, а полказака!»

С этой минуты мальчика могли **наказывать только мужчины** (или, если отец погиб или умер, только мать). Женщины не имели права вмешиваться в его воспитание. А когда старшие уезжали из дома, он оставался за хозяина. «Смотри, – говорил отец, – на тебе дом и женщины. Доглядай хозяйство».

И если поначалу это могло восприниматься не совсем серьёзно, то в десять лет казачонок уже полностью понимал меру ответственности и действительно был опорой дома и семьи. С очень раннего возраста казачонок осознавал себя частью станичного общества. Предания донесли до нас известия о том, что на всех старинных казачьих войсковых Кругах обязательно были смышленные казачата.

Для этого торжественного случая им даже шилась, за счет атаманской казны, праздничная одежда. Разумеется, они не принимали участия в спорах казаков, у них была другая задача – слушать и запоминать. В особо важных случаях таких мальчишек бывало несколько. Они стояли друг от друга порознь, чтобы не разговаривали между собой, и после Круга их расспрашивали: что они запомнили, о чём шла речь, кто и что говорил, кто кому возражал, какое было принято решение...

Так народ сохранял свою историю.

Но самой главной задачей казачонка **всегда была учёба**. Особым уважением пользовались школяры.

Ими гордились в семьях, они вели себя на улицах солидно и достойно.

Те казачата, кому посчастливилось учиться в кадетском казачьем корпусе или гимназии, становились известными поименно всем жителям станицы или хутора.

Их приглашал в правление и поздравлял с каникулами атаман.

Студентов и юнкеров даже старики звали по имени-отчеству... Но кроме этого каждый казачонок ежедневно учился работать, перенимая мастерство от старших. Семилетний мальчик вполне справлялся с лошадьми и волами, мог и запрячь, и поставить их в

конюшню. Пахать на волах ему не хватало силёнок, но боронить, сгребать сено на лошадях было исключительно мальчишеским делом.

С весны до осени казачата, как правило, жили в степи при отарах или на бахчах со стариками.

И здесь учеба не прекращалась ни на один день. Казачат учили ежедневно – стрелять, скакать на коне, рубить шашкой, бороться. Сыновьям казачьих офицеров времени на детские игры отпускалось меньше, чем сыновьям простых казаков.

Как правило, с пяти-семилетнего возраста **отцы забирали их в сменные сотни**, полки и увозили с собой на службу, часто и на войну.

Карюк С. И., Шевцов А. А.

Обычай и традиции, пережившие века.

Под ред. Рябчикова Л. А., – Симферополь, 2019.

ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК

(обычай и традиции)

Рождение **девочки не праздновалось так широко**, как рождение мальчика, при известии о её рождении не грохотали выстрелы.

Однако появление на свет девочки тоже было радостью – тихой, домашней, овечьей легендами и молитвами.

Девочка приносила в дом постоянное душевное тепло, доброту и ласку. Поэтому от самого рождения её воспитывали иначе, чем мальчика, старались развить в ней женственность, трудолюбие, терпение и отзывчивость.

И тоже волновались, и молились за её счастье.

Все обычаи и обряды, которыми была окружена жизнь девочки, – домашние, семейные...

Если мальчика постоянно настраивали на то, что он должен быть первым, быть на людях, постоянно соревноваться, то девочке внушали, что самое главное – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – крепкая семья и честно заработанный достаток, хотя жизнь казачки была полна великих тревог, а трудов и страданий в ней было не меньше, а то и больше, чем в жизни казака.

Начиная от самого первого, все «женские» обычаи были **шутливыми, не жестокими, а весёлыми.**

Так, «смывая с дочушки заботы» – тётки, мамки, няньки, крёстная – первый раз с песнями и добрыми пожеланиями мыли девочку.

В это время отец – единственный мужчина, допускаясь на этот праздник (ребенка до трех месяцев вообще никому не показывали, боялись сглаза, и даже крестить в церковь носили с закрытым кружевами лицом), ел специально приготовленную **«отцовскую кашу»** – горелую, насолённую, наперченную, политую горчицей, чтобы она была совершенно несъедобной.

Он должен был съесть её, не поморщившись, **«чтобы девочке меньше горького в жизни досталось».**

Все девичьи праздники отмечали в узком детском кругу на которые приглашались только родственники. Праздники всегда сопровождалась подарками, угощением, песнями, танцами. Праздновали **«первый шаг»**, дарили ленточки «на бантик», гребешок на косынку, платочек – «в церковь ходить».

Подарки буквально сыпались на девочку, однако это не означало, что ей всё позволено и жизнь у неё была сплошным праздником. Девочки начинали работать с очень раннего возраста.

Ходя «хвостиком» за матерью по дому, они участвовали во всех работах: стирали, мыли полы, ставили заплатки, пришивали пуговицы.

С пяти лет учились вышивать, шить, вязать на спицах и крючком – это умела каждая казачка.

Делалось это в игре: обшивали кукол, а учились на всю жизнь. Была и особенная работа – нянчить младших.

Трёхлетнего брата могла нянчить пятилетняя сестра, а трехлетняя – годовалого.

Часто пятилетних девочек уже в няньки «в люди» отдавали. Трудовая жизнь начиналась очень рано. Пятилетний казачонок уезжал с отцом на охоту, на покос, на рыбную ловлю – и там помогал уже всерьёз.

А вот **отнести мужчинам еду в поле, постирать, заштопать** обтрепанную в работе одежду – девичья забота. К братьям девушки относились с огромным уважением.

И не зря: случалось, что пятилетние братья уходили с отцами в военные походы. И возвращались домой через десяток лет закаленными бойцами. Труд не исключал радости и веселья: девочки и пели, и плясали, а обучали их этому старшие женщины.

Но росла девочка с главной мыслью, **что она будущая хозяйка и мать, – этому было подчинено все её воспитание.** Когда девочка становилась девушкой, то об этом, как правило, по секрету бабушка сообщала деду – самому старшему в семье.

Дед покупал **серебряное колечко внучке**, а то и праправнучке, сопровождая свой подарок песенкой про колечко и наставлениями, что внучка теперь «не дитё», **а «барышня» и должна вести себя иначе: «на неё женихи смотрят».**

Колечко на левой руке означало, что перед нами «хвалёнка» – пускай ещё не на выданье, но о ней можно думать уже как о невесте.

С момента получения серебряного колечка девушка начинала готовить себе приданое. Девичья жизнь кончалась сватовством. Казаки народ гордый, горячий и... вооружённый.

Поэтому во всех обычаях были очень сдержаны и боялись обидеть друг друга. Даже отказ сватам давался так, чтобы не оскорбить сватающих людей.

Молодой казак, **которому приглянулась девушка** (а видеть он её мог в поле, на работе или в церкви, на улице, где она гуляла или водила хороводом с подругами, но всегда под присмотром старших, а то и вообще никогда не видел – просто старшие решили его женить), вместе с отцом, с крёстным приходил в дом будущей невесты – **«чайку попить».**

Но в момент «знакомства» ни о сватовстве, ни о свадьбе не говорилось ни слова.

Казак как бы невзначай клал на стол фуражку или папаху – **доньшком вниз.**

Если девушка переворачивала головной убор, можно было свататься.

Если фуражка отправлялась на вешалку, о сватовстве не могло быть и речи.

Во время **«сводин»** (первого знакомства жениха с невестой) за столом сидят только мужчины.

Женщины присутствуют стоя, хотя всё в доме решает старшая женщина – казаки в семейные дела не вмешивались.

Несмотря на старинное казачье присловье «женщину и коня всегда держат в поводу» и то, что **девушка никогда не показывалась на улице одна** (всегда в сопровождении матери, тётки, брата или крёстной), казачки по сравнению с женщинами других народов пользовались большой свободой.

Казачки Великой степи наследовали традиции народов, живших там прежде, а у степных народов женщина всегда обладала значительной свободой, без которой в степи не прожить.

Карюк С. И., Шевцов А. А.

Обычаи и традиции, пережившие века.

Под ред. Рябчикова Л. А., – Симферополь, 2019.

ХАРАКТЕР КАЗАЧКИ

(обычаи и традиции)

В казачьих семьях главой всегда был казак-воин, а окончательное **слово было за дедом** – как за старейшинами на Кругу, и в этом семья в миниатюре повторяла казачью общину.

Женщины-казачки были в семье равноправны вне зависимости от их национальности, так как казачка была обязательно крещённой.

Казаки редко обижали своих жён, да и казачки имели самостоятельный и гордый характер.

Казачки, жёны и дочери казаков, всю жизнь разлучаемые со своими мужчинами суровой военной службой, всегда и во всём были им верными подругами и помощниками.

Говорят, что во время походов водка и женщины были запрещены.

Считается также, что, возвращаясь из других стран после набегов на неприятеля, **казаки привозили оттуда себе жён**. Но, по мнению С. Ауского, вряд ли это носило массовый характер, поскольку не согласуется с тем фактом, что во время набегов от

казачьего «флота» обычно оставалась лишь половина лодок, и на них могли поместиться только уцелевшие и раненые казаки.

Действительно, известны случаи, когда казаки женились на чужеземках, но это, скорее всего, могли быть исключительные случаи, нежели правило.

По мнению С. Ауского, выросшая в чуждой среде, по-другому воспитанная женщина вряд ли могла выдержать все тяготы казачьей жизни.

Согласно некоторым источникам, первоначально, пока не наладилась жизнь в станицах, там было очень мало молодых казачек.

Казаки женились на пленницах – представительницах народов, чей образ жизни был сходен с казачьим. Казаки не мыслили своей жизни без воли, поэтому, не желая, чтобы их потомки унаследовали психологию рабов, они не брали в жёны девушек из тех стран, где процветало рабовладение.

Другое вероисповедание, чаще всего мусульманское, не было препятствием к браку, поскольку перед венчанием невесту **обязательно крестили**, а дальше ей приходилось лишь приспособливаться к новой жизни среди казаков.

В XVIII в. А. И. Ригельман описывает казачек **как круглолицых румяных женщин, с большими тёмными глазами**, тёмноволосых, стройных и недружелюбно относящихся к чужеземцам.

Это описание подходит как к славянкам, так и к черкешенкам, что не удивительно, если вспомнить, что казачьи земли находились в пограничных районах, а сами границы постоянно менялись, так что смешение кровей было вполне естественным.

Современники писали: **«Соедините красоту и обаяние русской женщины с красотой черкешенки**, турчанки и татарки, да если прибавить бесстрашие амазонок – перед вами портрет истинной казачки. Смуглолицые красавицы отчаянного мужества и высокого благородства. После священных для них имён матери и отца выше всего ценились честь, слава и верность».

Мужчины значительную часть своей жизни проводили в войнах и походах, так что дом и дети были в основном на женщинах.

Донской атаман Платов, вернувшись из походов против Наполеона Бонапарта, **благодарил донских казачек**, кланяясь им

до земли за то, что в то время, когда казаки находились на войне, они смогли соблюсти хозяйство на должном уровне.

Несколько столетий жизни на границе превратили казачек в **отважных и энергичных женщин, способных противостоять опасности.**

Казачка **умела управляться на реке с лодкой, ездить верхом и даже обращаться с оружием на случай,** если придётся оборонять станицу.

Например, четыре года женщины-казачки вместе с мужьями защищали Азов. Во время Степного похода и в годы Гражданской войны бок о бок с казаками сражались казачки, они участвовали, к примеру, в боях за Новочеркасск 14–15 апреля 1918 г. и в других боях, подвозили к линии фронта боеприпасы и вывозили раненых.

Благодаря выработанному характеру **казачку было трудно обидеть,** но если уж такое случалось, то по её жалобе казак-муж мог получить по приговору Круга достаточно много плетей.

Казачьи законы на деле поддерживали равноправие женщин в казачьей среде, потому что именно от них идёт казачий род. За обиду жены казака ставили на Круг.

Стоит он перед Кругом и у жены просит прощения. Если жена простит, то мужа только «поучат», и после этого они живут в мире. **А если жена не прощала** (побои, измена), то Круг давал ей свободу, и она уходила от мужа.

На такой женщине при её согласии мог жениться любой неженатый казак.

А вот за «непрощённого или учёного» Кругом (битого) **казачки замуж не шли.**

Казак оставался один, и в итоге его роду наступал конец.

Часто такие казаки уезжали и уходили прочь, так как без детей они – пустой цвет, или жили бобылями.

До нас дошли рассказы и о более жёстких мерах (при атамане Игнате Некрасове) – «изменит жена мужу – в куль её да в воду, или по шею закопать, а коли казак изменил жене, то по приговору получал 100 плетей или даже «в куль да в воду».

До того, как браки стали заключать венчанием в церкви, а это пришло далеко не сразу (как и во многих странах), создание семьи и **развод происходили по решению Круга**. Выводя надоевшую жену на Круг, казак просил разрешения на развод – «Не любя боле».

В этом случае согласия жены не требовалось.

И если тут же на Круге не находилось желающих взять её в жёны, женщина считалась свободной.

Если же находились желающие, то с согласия женщины, прикрыв полой, её уводили в свой дом.

До решения Круга о разводе прежний муж не мог считать себя свободным. У казаков **есть интересное поверье**, что во время похода и на войне к женщине нельзя прикасаться ни по-доброму, ни силой – наживёшь на свою голову беду, поэтому женщин в поход казаки не брали.

Даже сегодня во многих домашних обычаях казаков, в женских характерах, в семейных взаимоотношениях можно увидеть пережитки господствовавшего когда-то в степи матриархата. Большая часть юридических прав в станичном обществе принадлежала не казаку, а казачке. Она наследовала имущество. Она полностью верховодила в доме. Казак, приезжавший со службы, чувствовал себя скорее гостем, чем хозяином, и в домашние проблемы не вникал, считая это унижением своего воинского и мужского достоинства.

Считалось, что дети принадлежат отцу, хотя полной властью даже над взрослыми сыновьями обладала мать.

Женщина-мать, женщина-вдова получала **от станичного общества материальную поддержку и была социально защищена ещё**.

Ни о какой дискриминации женщины в казачьем сообществе не могло быть и речи. Фактически не дети казака, а дети казачки были беспрекословно признаваемыми членами станичного общества, что было зафиксировано даже в российских законах.

Так, при отсутствии мужа родившиеся «у вдов и девок дети считались казаками».

В казачке **с детства воспитывали сознание того**, что она будет главой дома, и на ней будет держаться не только хозяйство, но и станичная мораль и обычаи.

Потому и звалась она гордой казачкой, **что велик был груз ответственности за всё казачество, лежавший на её плечах и носимый ею с достоинством.**

Карюк С. И., Шевцов А. А.
Обычаи и традиции, пережившие века.
Под ред. Рябчикова Л. А., – Симферополь, 2019.